

В отражении зеркала дикой природы

Владимир Николаевич БОЧАРНИКОВ – профессор, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии и охраны животных Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН.

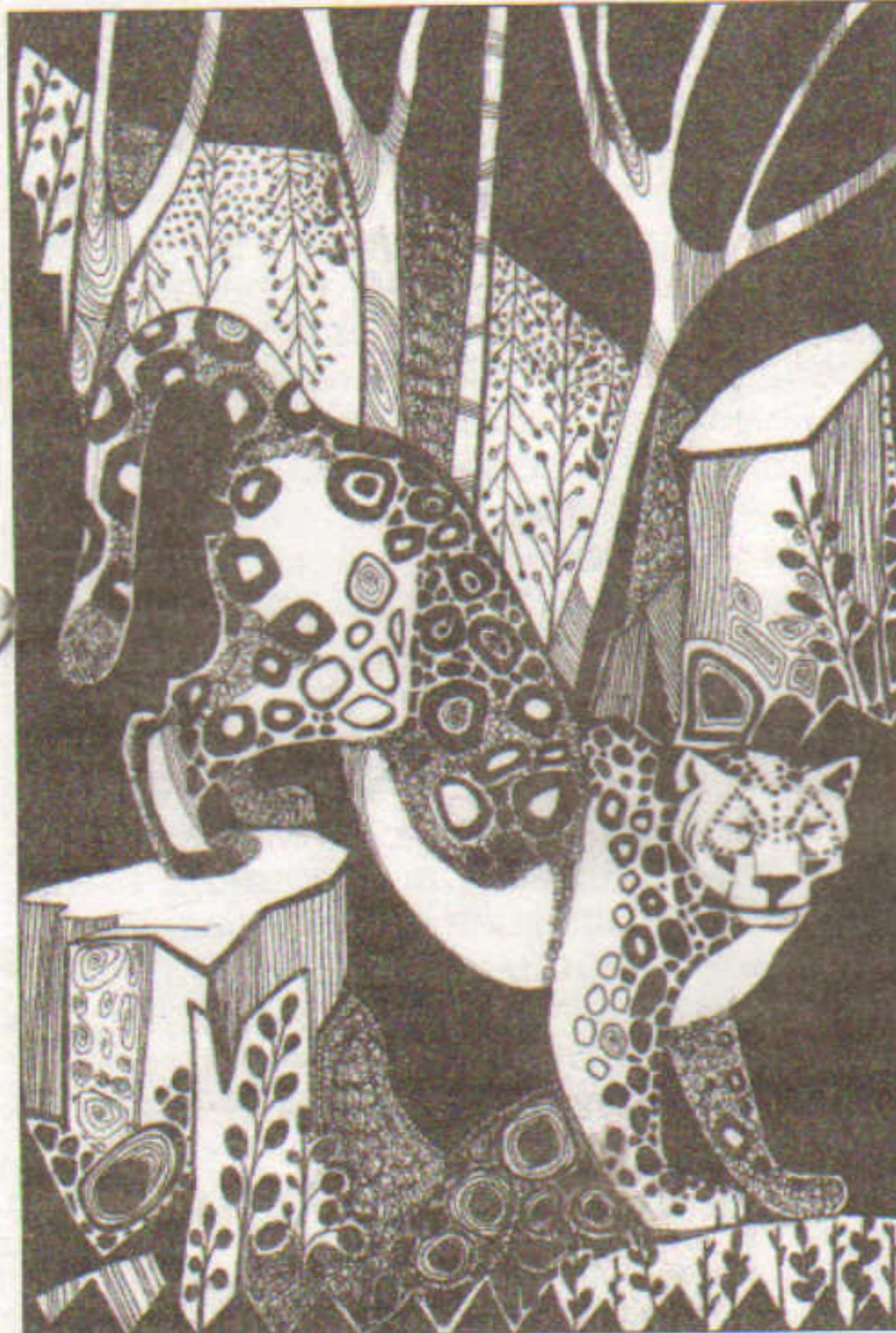
Автор более 350 научных публикаций, в том числе 16 монографий, трёх учебных пособий, научно-популярного справочника по Конвенции о биологическом разнообразии и энциклопедии по коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока России, соавтор и участник подготовки трёх национальных докладов Российской Федерации в Конвенцию о биологическом разнообразии.

Недавно в сети была опубликована книга Владимира Николаевича «Записки приморского биолога-охотника». Предлагаем вашему вниманию отрывок из этого издания.

«Дальний Восток навсегда покорил моё сердце...»

Каждый охотник мечтает найти свою охотничью «эльдорадо», то самое единственное место, где существует сказочное обилие дичи. Ведь там я увижу такое, что не смогу и взгляд оторвать от чудес неведомых, раскрывшихся только мне, счастливчику. Мне повезло в этом! Привелось в жизни повидать множество удивительных природных мест.

Уже много лет миновало с тех пор, когда в свои семнадцать лет я окунулся впервые в «объятия» природы, начав трудовой путь лаборантом-зоологом в Астраханском государственном заповедни-

ке им. В.И. Ленина. В памяти сохранилось многое, но главное то, что меня окружали замечательные люди. Только с их помощью я прошёл этапы своего профессионального становления.

Прия в заповедник, я вскоре поступил учиться на биолога-охотника в знаменитый подмосковный вуз. Получив среднюю в советский период охотоведческую специальность, я уехал в Приморский край работать по специальности. Меня приняли на охотоведческую должность в государственном промысловом охотниччьем хозяйстве, затерянном в сердце легендарного Уссурийского края.

Затем последовала интереснейшая и захватывающая работа в Академии наук, тогда ещё СССР. Совершены десятки экспедиций, проведены сотни ночёвок «в поле», исхожены тысячи километров тайговых троп. Были рассказы и дискуссии у костров, в зимовьях, в палатах или будках экспедиционных машин. Лишь часть накопленного удалось «выплеснуть на бумагу».

Дальний Восток навсегда покорил моё сердце. Здесь я начал писать не только для учёных, но также для обычных людей, неравнодушных к красоте природы. Горжусь, что среди моих четырёхсот публикаций присутствуют несколько десятков очерков и рассказов по природоохранной и охотоведческой тематике...

Сейчас и здесь я делаю свои «найдёжками» из прежних лет, складывая по крупинкам найденное в полевых блокнотах. Эти записи не вошли в мои научные книги и статьи, они сохранены для вас, дорогие читатели!

По своей направленности, акцентам, профессиональному смыслу, приведённые здесь рассказы очень отличаются, но их объединяет главное – это контакт человека-гостя в природе и дикого животного, находящегося в своём праве и в своём доме. Такой подход позволяет понять, насколько мы, люди, освобождаясь от природы, становимся всё

больше от неё зависимыми. Но пока человек жив – мы, возможно, сможем что-то с этим сделать.

Путь на Восток

Я неспешно разбирал завалы старых бумаг в своём рабочем кабинете в институте. Неловкое движение, и как-то враз, из пыльной груды вывалился старый журнал. В неярком дневном свете... с серо-чёрно-гравированной бумажной страницы грохнувшись на насупленно взглянул, косовато прищурился маленькими глазками кабанчик. Невольно перевёл взор чуть выше: на слегка выцветшей блёклой-матовой обложке журнала слабо краснели большие буквы – ОХОТА. Чуть ниже... и заметно меньшим кеглем, простиранно прочертана-чернилась курсивная строчка – охотничье хозяйство. Фирменно-чёрный квадратик с выпукло-обозначенной белой цифрой – 7.... На уголке белой оторочки верха, мой взгляд,наконец, зафиксировался на дате – 1973.

В памяти всплыло событие тридцатилетней давности. Это была моя первая почти взрослая поездка. Северный Кавказ. Адыгея, август 1973 года. Кухонный стол в доме лесника, и на бело-голубой, в цветочек клеёнке, рядом с блюдцем мёда лежит свежий номер неведомого мне ранее журнала. «ОХОТА... и охотничье хозяйство». Первый номер его вышел ещё в 1955 году. Идея этого издания не была оригинальной, и ранее существовали в России охотничий журналы. Именно со страниц этого издания ко мне шагнуло простое и очень ёмкое, как раз в своём непосредственном предназначении слово – ОХОТОВЕД.

Это слово сейчас продолжает всплывать на страницах только специальных изданий, произносится на совещаниях и семинарах, но вот то, что было ранее... Когда я поступал, не задумываясь, почему меня – паренька из калмыцко-астраханской полупустыни потянуло к этой профессии. Лишь спустя много лет я узнал, что мой прадед ещё в позапрошлом столетии занимался промыслом зайцев и куропаток, а летом – сторожил общественные сады.

В 1977 году я поступил во Всесоюзный сельскохозяйственный ордена Знак Почёта институт заочного обучения, начал увлечённо учиться в оном, с тем, чтобы достаточно легко закончить и получить синенький диплом в январе 1983 года.

Это был великолепный вуз, с его традициями биологов-охотников, что наследованы с дореволюционных времён. Учебные корпуса его деканата располагались в старинных строениях графского поместья в подмосковном городе Балашиха Московской области.

К концу своего обучения я стал задумываться о смене своего места жительства и рабочего места. Вычитывая из страниц любимого журнала десятки адресов, я嘗試ed списаться со многими промысловыми охотничими хозяйствами Сибири и Дальнего Востока. Полсотни безответных писем и три предложения о работе, причём два были из Приморья. Так и распорядилась моя судьба.

И вот уже старенький ТУ-104 несёт меня на Восток, а соседка рассказывает о чудесах Приморья. Что ни слово – то экзотика. Что ни название – то что-то скажочное. Но узнав, что я держу курс в Ольгинский район, соседка вслополошилась. Зачем тебе туда ехать, – это же глупый, полтысячи километров на север от Владивостока и пару тысяч человек на территории размером в Швейцарию. И вот приморский посёлок – Ольга на берегу одноимённой бухты, и я уже появился на деревянном крылечке госпромхоза «Ольгинский».

Что представлял собой госпромхоз или государственное промысловое охотничье хозяйство в то время? В Советском Союзе была государственная, общественная и кооперативная формы собственности, первая и третья позволяли создавать крупные специализированные на охотничье хозяйстве и заготовке недревесных ресурсов хозяйства. Ольгинский промхоз действовал в глубине Приморского края, в самом «сердце» уссурийской тайги, малонаселённом районе с удивительным природным сочетанием горных, лесных и морских ландшафтов. Заготовка пушнины, мяса копытных, пернатой дичи, папоротника, кедрового ореха, мёда, леса, разнообразных видов дикорастущей продукции и многое другое входило в ежедневные обязанности начальника промыслового участка госпромхоза (я им стал через четыре месяца после своего приезда в Приморье). Но помимо этих понятных охотничих дел, госпромхоз должен был обеспечивать дровами, пиломатериалами, электрическим светом жителей небольшой затерянной в тайге деревни Щербаковка. Соседний дорожно-строительный участок с помощью нашего бруса и доски вёл свои работы по неизбежному ремонту мостов, ещё мы снабжали лиственничными столбами для опор телефонной линии.

На моём участке содержалась свиноферма, работали две пилорамы, по разнорядке мы заготавливали сено, высаживали картофель, договаривались с соседними совхозами об обмене своего леса на зерно. Корейцы арендовали на нашей территории поля и высаживали гаолян (веники), мы были обязаны высаживать овёс, заготавливать берёзовые и дубовые веники для подкормки диких животных в зимнее время. Начальник участка был обязан также следить за состоянием дорог в тайге, давать задания штатным рабочим на обустройство их промысловых участков, строить охотничьи зимовья, в зависимости от сезона организовать заготовку берёзового сока, папоротника, грибов, мёда, лекарственных растений и ещё многое другое.

Все эти хлопотливые хозяйствственные дела доставали меня, мешали вести исследования, да и просто отдаваться любым охотоведческим занятиям. Поэтому при любой возможности я стремился побывать в тайге, у меня был немалый промысловый участок на территории большого тайжного ключа Ладзыга. Ещё в промхозе мне неоднократно приходилось разбираться с последствиями «хозяйствования» тигра. Он приходил в деревни, задирал коров, свиней, воровал собак. В декабре 1983 года тигр приходил к сельскому магазину, да ещё засветился. Часто я из деревни в ночь уходил, уезжал в тайгу; с утра стремился проверить поставленные капканы на соболя и норку, и надо было ещё потропить по свежему снегу изюбря и кабанов.

Мне это нравилось, но всё больше и больше копировалось желание, понимание, потребность отдать всего себя любимому труду исследователя-натуралиста. Я стал вновь искать пути в «большую науку», но ту, которая связана с охотой, со

Владимир Николаевич БОЧАРНИКОВ

хранением местообитаний крупных хищников и копытных Дальнего Востока, меня интересовала возможность усовершенствовать систему учёта численности и добычи охотничих животных, я знаком был тогда не понаслышке с практическими способами ведения охотничьего хозяйства.

Зимой 1984 года в госпромхоз «Ольгинский» заехал Александр Михайлович Паничев, научный сотрудник Тихоокеанского института географии. Его интересовали природные солонцы, которые располагались на территории Щербаковского промыслового участка, в верхнем течении реки Милоградовка (Ванчин). Долго с увлечением расспрашивал Паничев о «солонцевании» диких копытных, а его собственные рассказы о тайжных экспедициях вновь всколыхнули желание посвятить себя науке. Узнав о существовании Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, об академических институтах, я твёрдо решил попасть в ряды дальневосточных учёных.

В Тихоокеанском институте географии я начал работать в уже далёком ныне 1985 году. Мне, молодому охотоведу-практику было сложно влиться в ряды советской академической науки. В отличие от студентов столичных, крупных региональных вузов, и ДВГУ, которые отбирались для науки ещё в процессе учёбы своими руководителями дипломных работ, мне пришлось, имея уже почти десятилетний трудовой стаж, «отрубить» более трёх лет на временных должностях старшего лаборанта.

Учитывая крайнюю жёсткость штатного расписания, весьма трудно было директору, известному дальневосточному геологу Глебу Ивановичу Худякову взять на работу человека «от сохи», выбравшегося только из тайги, ведь штатные ставки «выбивались» лишь под специалистов высокого уровня, да под новые темы. Обычно происходила естественная ротация: вчерашние студенты становились стажёрами-исследователями, а затем, в зависимости от способностей, переводились либо в технический состав – лаборанты и инженеры, либо в науку – по конкурсу, занимая должность младшего научного сотрудника.

Я же пришёл «ниоткуда», но в Тихоокеанском институте географии ДВО РАН я прошёл последовательно все стадии научной карьеры. Старший лаборант, инженер, младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, и всё это всего лишь за тридцать лет, и работая в одной и той же лаборатории – экологии и охраны животных.

Именно эта моя лаборатория первая стала «научно» заниматься амурским тигром, хотя с 60-х годов прошлого столетия Дмитрий Григорьевич Пикунов «пробивал» эту тему для дальневосточной науки. И первое мое задание было связано с подготовкой зимнего учёта в бассейне реки Бикин, а через тридцать лет на этой территории создаётся первый в России национальный парк, в котором лично Президентом страны поставлена государственная задача – достижения гармонии между сохранением природы и её традиционным использованием аборигенами Уссурийского края...

Выдержка из книги Владимира БОЧАРНИКОВА, ведущего научного сотрудника Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доктора биологических наук с рисунками Анастасии СУРНАЧЕВОЙ (Санкт-Петербург).

Полностью книгу Владимира Николаевича можно прочитать здесь: <http://tig.dvo.ru/load/0-0-0-68-20>

